

РОССИЯ И ЯПОНИЯ ДОЛЖНЫ САМИ РЕШИТЬ ТЕРРИТОРИАЛЬНУЮ ПРОБЛЕМУ

Существует немало оговорок, призванных оправдать сложившееся с 1945 года ненормальное положение во взаимоотношениях нашей страны и Японии. Чаще всего сторонники сохранения болезненного для обеих сторон статус-кво оправдывают продолжающуюся незаконную оккупацию южной части Курильского архипелага ссылками на Сан-Францисский мирный договор, подписанный 8 сентября 1951 г. 49 государствами. По договору (пункт «с» статьи 2) «Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова». На основании этой формулировки делается вывод: отказ Японии от Курильских островов неизбежно включает в себя в качестве обязательной составной части также и отказ от островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и группы островов Хабомаи. Развивая далее эту идею, ныне политики и журналисты пытаются убедить нас в том, что, во-первых, Япония уже якобы лишилась каких-либо прав на упомянутые территории и, во-вторых, предпринимаемые японской дипломатией в течение длительного периода времени попытки решить проблему границы с Россией на уровне лишь двусторонних переговоров идут вразрез с договоренностями, закрепленными подписями полномочных представителей 49 государств — участников мирной конференции в Сан-Франциско, которая официально подвела итоги войны на Тихом океане. Подобная точка зрения ошибочна и даже весьма опасна для будущего российско-японских отношений.

Во-первых, подобная аргументация по существу направлена на то, чтобы блокировать российско-японские переговоры по территориальной проблеме. Япония обвиняется в стремлении нарушить Сан-Францисский мирный договор, а Россия, получаясь, будет повторствовать этому нарушению, если заключит с Японией договор, содержащий взаимоприемлемое решение территориальной проблемы. Думаю, что сторонники подобной точки зрения исходят из сознательно неверной трактовки Сан-Францисского договора.

Прежде всего хочу отметить, что этот договор, 44-летие которого будет отмечаться 8 сентября, никоим образом не может рассматриваться как непреодолимое препятствие на пути решения территориальной проблемы, существующей почти 50 лет в наших отношениях с Японией. Советский Союз, как известно, не подписал до-

говор, и поэтому Россия никоим образом не связана условиями договора. Следовательно, у России есть возможность заключить с Японией отдельный мирный договор, как это сделали некоторые государства, например Индия, Бирма, Китай. В частности, КНР не была приглашена на мирную конференцию в Сан-Франциско, потому что в 1951 г. лишь немногие государства признавали её полноправным субъектом международного права. Когда в 1978 г. КНР и Япония заключили двусторонний договор, я что-то не припомню, чтобы кто-либо из 49 государств — участников Сан-Францисского мирного договора серьезно возражал. Против японо-китайского договора в то время весьма энергично и тем не менее безуспешно выступала советская дипломатия, а теперь у нас неохотно признают, что не стоило затевать тогда такую шумную кампанию, потому что интересы России этот договор не ущемляет. Так, вне всякого сомнения, получится с российско-японским договором, против заключения которого вряд ли предвидятся возражения других государств, в том числе подписавших мирный договор с Японией в Сан-Франциско. Кроме того, в случае необходимости, не сомневаюсь, российским и японским дипломатам удастся найти подходящую форму согласования российско-японского договора с Сан-Францисским.

Утверждают, будто японская дипломатия пытается пересмотреть результаты договоренностей 49 стран-участниц Сан-Францисской мирной конференции, не имея к тому же для этого никаких оснований. Но, пожалуйте, разве отсутствие обоядно признанной и закрепленной в договорном порядке российско-японской границы можно считать незначительной мелочью? Разве можно согласиться с тем, что взаимное стремление России и Японии решить территориальную проблему будут рассматривать как нечто, не имеющее серьезных международно-правовых оснований? В таком случае какие основания могут считаться достаточно серьезными для того, чтобы обе стороны сочли необходимым пытаться достичь договоренности по ряду вопросов, включая территориальный? К тому же Советский Союз обязался заключить с Японией договор, включающий взаимно признанное решение территориальной проблемы. Я имею в виду обмен письмами между советским и японским представителями, состоявшийся 29 сентября 1956 г. в Москве, в ходе которого обе стороны согласились в том, что «...весьма желательно, чтобы японо-советские от-

ношения достигли более прочного развития на основе формального мирного договора, включающего себя и территориальный вопрос; причем советская сторона заявила также «о своем согласии на продолжение после восстановления нормальных дипломатических отношений между нашими странами переговоров о заключении мирного договора, включающего и территориальный вопрос». Обмен письмами состоялся через пять лет после подписания Сан-Францисского мирного договора и не вызвал возражений государств-участников договора.

Вместо того, чтобы беспокоиться по поводу якобы возможных возражений 49 государств — участников Сан-Францисского договора, на россиянам, следовало бы проявить заботливость в связи с тем, что своим отказом от подписания Сан-Францисского договора Советский Союз поставил себя в положение государства, не получающего вытекающих из условий договора каких-либо прав, правооснований или преимуществ. Если выразить вышеизложенное более понятными словами, это означает, что присоединение к Советскому Союзу, а теперь к России, вслед за Курильскими островами, а также включение в состав СССР, теперь России южной части острова Сахалин, с точки зрения международного права никаким образом не может считаться юридически оформленным надлежащим образом, потому что все эти территории стали сначала советскими, теперь российскими, лишь на основе односторонних советских действий указов Президиума Верховного Совета СССР, не подкрепленных никакими международными договоренностями. Поэтому недаром говорят, что российско-японская граница никогда не закреплена в договорном порядке, который считается общепринятым нормой международного права. Сложилась странная ситуация, на которую у нас, к сожалению, не привыкли обращать внимание: территориальные приобретения России на Дальнем Востоке до сих пор как бы не с всеми нашими, потому что мы в течение почти 50 лет не удосужились договориться насчет них с Японией.

Нет, никоим образом нельзя считать правыми тех, кто уверяет россиян, будто, согласно условиям Сан-Францисского мирного договора, Японии придется смириться с последствиями, от чего она якобы отказалась, а Россия и впредь может склонено не вступать ни в какие переговоры с Японией по вопросу принадлежности некоторых из Курильских островов. Вместо решения территориальной проблемы нам предлагают

законсервировать ее, как писали раньше в договорах, «на вечные времена». А это означает не что иное, как отказ от сдвигов к лучшему в российско-японских отношениях.

Но не эту задачу должна ставить перед собой российская дипломатия. Чтобы вывести российско-японские отношения из затянувшегося этапа неопределенности, обусловленной нашей нечеткой позицией по территориальной проблеме, нашей дипломатии следует подготовить оформление в договорном порядке вхождения в состав России северной и центральной частей Курильских островов, а также части острова Сахалин к югу от 50-й параллели северной широты. Ради закрепления за Россией этих земель общей площадью около 82 тысяч квадратных километров нам придется вернуть Японии небольшую группу островов, суммарная площадь которых составляет всего лишь 4996 кв.км.

Справедливо ли это будет? Ведь есть у нас японоведы, которые упорно называют российскому общественному мнению позицию, сводящуюся к тому, что России не следует ничего возвращать Японии, потому что Россия владеет всеми Курильскими островами якобы по праву первооткрывателя, что русские будто бы первыми начали осваивать все Курилы.

Взгляды тех, кто внедряет в сознание россиян такую точку зрения на Курильские острова, не выдерживают столкновения с историческими фактами. В частности, еще в указе императора Александра I в 1821 г. говорилось о правах российских подданных «до южного мыса острова Уруп», следовательно, острова от Итурупа и южнее признавались находящимися вне этих пределов. Этот указ стал первым актом, пусть и односторонним, направленным на разграничение владений Российской и Японской империй. Затем в инструкции императора Николая I адмиралу Е. Путятину, подписанный в 1853 г., было четко указано: «Из островов Курильских южнейший, России принадлежащий, есть остров Уруп. Именно в соответствии с этой инструкцией, а значит, и с указом 1821 г., была установлена в 1855 г. российско-японская граница в районе Курил — между островами Урупом и Итурупом. Эта граница стала не следствием какой-то мифической «уступки России», ее следует рассматривать как закономерное признание сложившейся к тому времени действительности: русские не закрепились южнее Урупа, а для японцев самым северным из освоенных ими Курильских островов оказался Итуруп. До революции права Японии на острова от Итурупа и далее к югу признавались всеми серьезными российскими авторами и исследователями. И поэтому давайте наконец спросим самих себя: какие есть у нас права и юридические обоснования считать острова Итуруп, Кунашир, Шикотан и группу островов Хабомаи российской террито-

рией? Ведь, как я уже отметил, указы Президиума Верховного Совета — это совсем не международные акты.

Единственная зацепка сторонников невозврата «северных территорий» — Ялтинское соглашение, подписанное И. Сталиным, Ф. Рузвельтом, У. Черчиллем в феврале 1945 г. В тексте соглашения действительно есть слова о «передаче Советскому Союзу Курильских островов». Но общеизвестно, что договоренности в Ялте не могут считаться международными договорами, потому что ни одно из соглашений не вносилось на ратификацию.

Что же касается Сан-Францисского мирного договора с Японией, в его тексте сказано об отказе Японии от Курильских островов без детального уточнения — от каких именно и в пользу какого государства. Составители текста договора сделали это, скорее всего, намеренно, оставив Советскому Союзу (теперь России) право договариваться с Японией отдельно. Да и не могли составители этого договора зафиксировать ясный отказ Японии от островов, ныне называемых «северными территориями», перечислив эти острова. Такое положение договора вступило бы в полное противоречие с международным правом, потому что южная часть Курильских островов никогда до 1945 г. не принадлежала никакому иному государству, кроме Японии, и это общеизвестно.

Позиция Японии по вопросу о принадлежности «северных территорий» была изложена премьер-министром С. Есидой еще на мирной конференции в Сан-Франциско. Он отметил, что «в период открытия Японии владение ею двумя островами Южных Курил — Итурупом и Кунаширом — совсем не подвергалось сомнению царским правительством». В этих словах невозможно усомниться. И поскольку в России еще в прошлом веке все эти острова признавали исконно японскими, совершенно непонятно, как можно теперь пытались доказывать, что те же самые острова — «исконно русские земли»?

Обязательство провести переговоры по территориальной проблеме было четко подтверждено в ходе официального визита в Японию президента Б. Ельцина. В подписанный президентом России и премьер-министром Японии Токийской декларации сказано, что они, «придерживаясь общего понимания о необходимости преодоления в двусторонних отношениях тяжелого наследия прошлого, провели серьезные переговоры по вопросу о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи. Стороны соглашаются в том, что следует продолжать переговоры с целью скорейшего заключения мирного договора путем решения указанного вопроса, исходя из исторических и юридических фактов и на основе выработанных по договоренности между двумя странами документов, а также принципов законности и справедливости

и таким образом полностью нормализовать двусторонние отношения».

Российская сторона фактически признала, что ранее в советско-японских отношениях не все делалось законно и справедливо, что существующая линия разграничения не может считаться основанной на исторических и юридических фактах, наконец, что принадлежность островов с Итурупа и южнее является темой для серьезных переговоров. Это уже немало. Хочется, чтобы эти переговоры были продолжены и в конечном счете привели к заключению договора.

Мы стремимся превратить нашу Россию в правовое государство, а это значит, что законность и справедливость должны воцариться как во внутренней политической жизни России, так и в ее внешней политике. Урегулирование нерешенной территориальной проблемы в наших отношениях с Японией явится крупным шагом на пути превращения России в правовое государство и, вне всякого сомнения, существенно повысит международный авторитет России.

Нынешний год — юбилейный. Мы отметили 50-летие победы в Великой Отечественной войне. Фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз, и тем не менее можно сказать, что нынешняя Россия достигла исторического примирения с Германией. Этому способствовала умелая политика лидеров двух стран. Япония, будучи союзником Германии в ходе Второй мировой войны, на нас тем не менее не напала, Советский Союз сам объявил Японии войну и присвоил себе те японские земли, на которых не высадились американские войска. Из-за несправедливого подхода Советского Союза к проблеме установления границы с Японией еще не сложились условия для исторического примирения России и Японии. У России и Японии по существу не было серьезной причины для конфликта во Второй мировой войне, мы объявили Японии войну, мотивируя свои действия верностью союзническому долгу. Тем более выглядит странным, что Россия до сих пор не предприняла радикальных шагов, направленных на справедливое и законное территориальное размежевание с Японией, что открыло бы нам путь к достижению полного исторического примирения двух соседних стран. И поэтому я считаю нравственный долгом каждого российского японоведа содействовать правильному пониманию сути территориальной проблемы всеми россиянами, чтобы приблизить установление законной и справедливой границы между Россией и Японией, привести как россиян, так и японцев к долгожданному историческому примирению. Наши народы давно заслужили это.

А.ШМЫРЕВ,
японовед-политолог